

Влияние визуальных технологий на формирование гендерной идентичности в советской и постсоветской России

The Influence of Visual Technologies on the Formation of Gender Identity in Soviet and Post-Soviet Russia

Н. П. Кнэхт

N. P. Knekht

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataknekht@gmail.com

Затрагивается проблема выбора методологии и языка описания в исследовании гендерных отношений. Представлены основные подходы к ее разрешению. Анализируется гендерная система советской и постсоветской России путем рассмотрения форм ее отражения в визуальной информации, сохранившейся с советских времен и производимой сегодня. Приводится периодизация истории трансформации гендерных отношений в России. Утверждается, что процесс конструирования гендера не завершен и продолжается сегодня с привлечением современных технологий производства и распространения визуальной информации.

Ключевые слова: гендерная идентичность; политика репрезентации гендера; визуальные технологии; динамика изображения; фотоиллюстрация; советская женщина; гендерный праздник.

The author proceeds from the fact that the construction of gender continues to take place today thanks to various technologies: cinema, art of photography, performances, and satellite channels. The main purpose of the paper is to show what institutional discourses are behind the technologies of gender construction, how the government is able to control the area of social meanings and thereby produce, develop and “implant” gender representations. The author tries to compare narrative texts (rudimentary narrative) and visual sources (visual artifacts) of Soviet and post-Soviet Russia and to show the following: how the visual image of the era is formed; how public space invades into the sphere of the private through posters, postcards, magazine photos, movies, media, and how it affects the formation of gender identity.

Keywords: gender identity; gender representation policy; visual technologies; image dynamics; photographic illustration; Soviet woman; gender related celebration.

Гендерная проблематика в политической, экономической или исторической науках, социологии, философии или антропологии относительно легко включается в соответствующие контексты российских культурных реалий. Тогда как

задачи реализации художественных практик и их осмысления, «политики репрезентации» гендера, исследования влияния образов фотографии, кино, телевидения, СМИ (новостных и развлекательных программ, рекламы) на становление гендерной

идентичности не ощущаются в современной России как ясные и актуальные. Возможно, это связано с тем, что исконно русская традиция (прежде всего литературная) не усматривала в женщине ничего, кроме проекции мужчины, не оставляла места для «практики самосознания». Вместе с тем конструирование гендера продолжает происходить сегодня благодаря различным технологиям: кинематографу, искусству фотографии, перформансам, сценариям «гиперреальных» условностей телевидения, спутниковым каналам. Мы попытаемся показать, какие институциональные дискурсы (теории) стоят за технологиями конструирования гендера, как они способны контролировать область социальных смыслов и тем самым производить, развивать и «имплантировать» репрезентации гендера.

Основные подходы и проблема выбора методологии и языка описания в исследовании гендерных отношений. Анализ состояния современных исследований гендерной (и шире — всей социальной и культурной) проблематики показывает, что идет поиск нового, адекватного языка. Его пока нет, однако он может появиться, но не искусственным путем, а спонтанно, через укоренение уже сложившихся метафор. Тема языка, его метафоры — одна из основополагающих для описания усложняющейся социальной реальности, так как именно через язык (к примеру, в текстах, сериалах, рекламных роликах и пр.) можно видеть то, что скрывается за внешней благопристойностью официальной идеологии.

Попытаемся выделить некоторые риторические стратегии выражения повседневного опыта, свидетельствующего о гендерной идентичности как мужчин, так и женщин.

Первый подход — это так называемый первоначальный «зачаточный нарратив», который опирается на повествование на основе личного опыта, первичной интуиции, строится на перечислении, во многом тавтологичном, элементов структуры по принципу: гендерная идентичность — это *A, B, C* и т. д. Описание идет на обыденном

языке, связанном с простым переписыванием, в него можно включить всё. Этот язык не является контингентным, так как за ним не видна структура: он не объясняет, каким образом связаны перечисленные элементы.

Второй подход можно назвать «синтагматическое смещение». Он строится по принципу: на гендерную идентичность оказывает влияние не только *A, B, C, D*, но и (главное) *X* (т. е. еще что-то). И исследовать нужно именно *X* — это что-то, этот дополнительный элемент, так как в данных условиях он является определяющим. Например, в случае «урбанистического нарратива» на формирование гендерной идентичности будут влиять не только городская среда, городские сообщества, «зеленые зоны», запахи, звуки, но и, главное, окружающие нас образы медийного города, то, что мы видим в социальных сетях. Однако «урбанистический нарратив», построенный по принципу синтагматического смещения, не преодолевает разрыва с обыденным смыслом. Он не отвечает на вопрос, каким образом, в какой матрице концептов это все связано. Его задача — обратить внимание на *X*.

Третий подход можно назвать «парадигматический сдвиг». Его нарратив построен по принципу: на формирование гендерной идентичности оказывает влияние не *A*, не *B*, не *C* и не *D*, а именно *X*. Иными словами, вводится новый оператор, главная функция которого — обратить внимание на разрыв с языком здравого смысла и ограничить перечисление. Если задача синтагматического смещения — сделать исследование интересным, то задача парадигматического сдвига — сделать его научным. Иначе говоря, найти язык концептуального описания, который позволял бы во внятной сетке парадигмальных категорий «схватить» новую социальную реальность. Это проблема перевода на язык научной теории, с тем чтобы осуществить операциональный парадигматический сдвиг (каждый индикатор привязать к концепту), провести эмпирическое исследование и затем построить научное объяснение.

Речь идет о разных типах языков. Есть

язык самоописания, идущий от самого объекта, — его можно назвать языком идеологий, на нем власть принимает решения и оправдывает их, опираясь на язык синтагматического смещения. И есть язык парадигмального сдвига, вскрывающий ключевые метафоры, переводящий их в концепты и дающий объяснение. Эти языки сталкиваются, и какой победит, на таком и будут приниматься значимые политические решения. В данном случае история гендера — это история языков, которые его сформировали. Язык новой метафоры связан с медиализацией пространства и времени, с новой знаковой средой. Безусловно, существуют классовые различия, социальная дифференциация, гендерное неравенство. Это результат исторически сложившихся социальных отношений, воспроизводимых в социальной практике, а язык — слепок социальных отношений. Вместе с тем существуют и ключевые метафоры, то, что использует власть, принимая решения. За ними стоят своя идеология, свои побудительные мотивы, т. е. определенный онтологический пласт — социальные интересы, практики, диспозиции. Нужна новая мощная концептуализация, которая объясняла бы, как связаны пространство действия и язык, как складывается метафорика, оптика и общие коды, разделяемые людьми.

Гендерная система Советской и постсоветской России в зеркале продуктов визуальных технологий. Характер социальных взаимодействий в современном обществе во многом определяется той визуальной информацией, которая неявно воздействует на массовое сознание и выступает по отношению к нему своеобразным социальным конструктом, что дает повод говорить о «взрыве цивилизации образов» [1].

В исследованиях по истории и социологии повседневности, в анализе автобиографий как женщин, так и мужчин постепенно складывается новый методологический вектор — отказ от текстоцентричности, включение визуального материала наряду с повествовательным нарративом и на равных правах с ним.

Попытаемся сопоставить

повествовательные тексты (зачаточный нарратив) и визуальные источники (визуальные артефакты) советской и постсоветской России и показать, как складывается визуальный образ эпохи, как публичное пространство вторгается в сферу частного через плакаты, открытки, журнальные фотографии, кино и СМИ и как это влияет на формирование гендерной идентичности.

Проблема заключается в самой возможности исследовать самое эфемерное — визуальную риторику власти. Задача исследователя — раскрыть, как с помощью монтажа и других приемов достигается необходимый пропагандистский эффект.

Современные российские и зарубежные социологи повседневности выделяют в истории трансформации гендерных отношений в России четыре периода, начиная с советского (1917—1991) и заканчивая современностью (1991—2007) [2, с. 54—94; 3; 4; 5; 6].

Анализируя положение женщины в СССР (1917—1991), многие исследователи опираются на понятие «гендерный порядок». Это определенные исторически сформированные модели властных отношений между мужчинами и женщинами, которые закрепляются и воспроизводятся в обществе на всех уровнях: институциональном, идеологическом, символическом и повседневном [7, с. 99—99].

Как отмечает Н. Л. Пушкарева в исследовании «Гендерная система Советской России и судьбы россиянок», именно государство как социальный институт через политику принуждения определяло и закрепляло гендерные роли. Так было не только в Советской России: государство и в постсоветский период остается «главным агентом контроля гендерных отношений» [8].

Проект формирования нового человека как труженика и политически активного деятеля с самых первых дней установления советской власти предполагал беспрецедентное освобождение женщины.

В рамках первого периода, «большевистского» (1917—1920 гг.), женский вопрос решался посредством политической мобилизации женщин. Они считались отсталым

элементом, так как находились под гнетом патриархальной семьи и частной жизни. Нужно было «повысить активность женщин в борьбе рабочего класса за социализм» [9]. Для их «политического просвещения» были созданы органы общественной самодеятельности (женсоветы). Отделы по работе среди женщин, учрежденные при комитетах ВКП(б) (женотделы) сыграли огромную роль в формировании «коммунистической сознательности» большинства женщин. Однако они отодвигали на второй план защиту собственно женских интересов в современном понимании [5], не придавали им никакого значения. Характерные лозунги на плакатах того времени: «Раскрепощенная женщина, строй социализм!», «Женщина! Грамотность — залог твоего раскрепощения!», «Долой кухонное рабство. Даешь новый быт!», «Под красный стяг, в ряды с мужчиной! — Буржуазии страх несем!», «Ударницы заводов и совхозов, вступайте в ряды ВКП!», «Работницы и крестьянки! Все на выборы!».

Может показаться, что «отделение кухни от брака» (Коллонтай) было великой реформой, что государство опекало и защищало «мобилизованную труженицу» и «мобилизованную мать» и именно заботой о ней продиктовано принятое в 1921 г. решение сделать 8 Марта государственным праздником [10]. Но на деле государство рассматривало потенциал организованных и сознательных женщин как инструмент упрочения сложившегося политического порядка. Постепенно происходила подмена смысла женского праздника: он утрачивал значение дня солидарности женщин в борьбе с гендерной дискриминацией, независимо от их социальной принадлежности, и становился четко ориентированным на классовую борьбу.

Это нашло отражение и в политических плакатах того времени: на них женский день назывался днем солидарности «женщин-тружениц» и «пролетарок».

Однако, как замечает О. Кись, на самом деле в основании была скрыта интенция на уравнивание женщин с мужчинами, на устранение различия между полами, но не путем настоящего освобождения женщины при сохранении гендерной идентичности, а путем «дотягивания» ее до идеального человека — мужчины-работника¹.

Государство мобилизовало женщин, вовлекало в строительство нового строя и новой экономики, что, возможно, повлияло на несколько идеализированный характер советской историографии в отношении понимания эмансипации женского населения [11]. С одной стороны, нельзя не признать небывалый рост грамотности и образованности среди женщин, освобождение от вековой патриархальной зависимости, но с другой стороны, женщина-мать превращалась в трудовую единицу, что закреплялось неоспоримым гендерным контрактом со стороны государства.

С конца 1920-х до середины 1950-х гг. складывалась концепция, под эгидой которой предпринималась попытка создания бесполого «советского человека». Как доказывают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в исследовании [12], в этот период почти безраздельно господствовал установленный государством этакратический контракт «работающая мать» [12, с. 303]. Он заставлял женщину нести «тройную нагрузку»: в семье, в быту и на производстве [13]. Эта жесткая экономическая мобилизация женщин отражена в понятии «тоталитарная андрогиния»: клише «советский человек» в скрытой форме предполагало сексизм [14].

Выполнение первых пятилетних планов индустриализации страны предполагало вовлечение всего населения в общественное производство, и по решению партии женщины стали овладевать мужскими профессиями. Появились трактористки, летчицы, женщины — водители трамваев и грузовиков, машинисты подъемных кранов — новые профессии требовали новых качеств. Так происходило вовлечение прекрасного

¹ Кись О. Украденный праздник: исторические трансформации смысла 8 марта // Зеркало недели. Украина: [электронный ресурс]. 2013. № 9: 6—15 марта. URL: <http://gazeta.zn.ua/socium/ukradennyu-prazdnik-istoricheskie-transformacii-smysla-8-marta-.html> (дата обращения: 20.08.2019).

пола в сферу неженского труда [15, с. 258]. Типичные лозунги на плакатах и открытках тех лет: «Женщина-пролетарка! Овладевай авиационной техникой. Иди в школы, техникумы, втузы гражданского воздушного флота!», «Хлеб — Родине!»; на плакате с лозунгом «Убрать урожай до единого зерна!» изображены женщины трех возрастов — от пионерки до пенсионерки.

На службу советской пропаганды нового гендерного порядка был поставлен абстрактный язык авангарда. В качестве иллюстративного средства использовались возможности фотомонтажа, основанного на применении ярко выраженного «геометрического рисунка» (все элементы изображения образуют геометрические фигуры). Сильный эмоциональный пропагандистский эффект создавался властью цветов на открытках и плакатах.

Под влиянием А. Родченко в практику многих фотографов вошли острые и неприличные ракурсы съемки; композиции часто строились диагонально, в них совмещались разные проекции одного объекта, показанные сверху вниз или снизу вверх. Результаты подобных изысканий внедрялись в повседневную репортерскую работу, публикации таких фотографий в книгах и журналах приучали читателя к возможности нового, свежего, парадоксального взгляда на мир. На плакатах и открытках панорамы перебивались крупными планами, камера выхватывала из общей картины выразительные детали. Изображения чередовались с текстом в шахматном порядке, что усиливало динамику изображения. Фотографии на плакатах и открытках приобретали символический, а не буквальный смысл. Новаторы 1920-х гг. использовали прием соединения в одной композиции фрагментов разных снимков. Это позволяло создавать емкие и парадоксальные визуальные метафоры, рождать неожиданные ассоциации. Лидеры конструктивизма в оформительской практике эксплуатировали самые простые и эффектные приемы: многократное повторение одного и того же изображения, гротескное сочетание разномасштабных

объектов. Техника фотомонтажа позволила наглядно материализовать нужную политическую метафору, придать умоглядному образу черты реальности.

Фотокадры включались в образную структуру на равных правах с другими изобразительными элементами: наборными композициями, сатирическими набросками, фрагментами чертежей. Некоторые кадры тонировались красным цветом, что позволяло расставлять дополнительные смысловые и эмоциональные акценты. Фотографии активно взаимодействовали со шрифтом. Такое виртуозное полиграфическое воплощение сложного замысла роднит его с искусством декламации: буквы чутко реагировали на малейшие колебания поэтической интонации изменением размера и окраски. При необходимости отдельные строки располагались диагонально и даже приобретали волнообразную форму.

В результате этих манипуляций изображение наполнялось подлинной патетикой, становилось одним из самых ярких художественных документов своего времени. Использование фотоиллюстраций было полностью оправдано собирательным характером героя: социальный типаж был намного важнее индивидуального характера. Демонстрация, а не декларация (показ, а не рассказ) того, как женщина преобразуется из темного и забитого существа в сознательную, социально активную личность, создавала сильный пропагандистский эффект. Помимо этого, воздействие фотографий усиливалось общим полиграфическим решением: на плакатах рушились серые прямоугольники текста, их пересекали стрелки, призывавшие: «Смотри сюда! Сравни эти цифры!» Главную, ключевую формулу увеличивали до гигантских размеров, печатали яркой красной краской. Кроме того, широко применялись типографские линейки, подчеркивавшие ключевые фразы, отделявшие текст от изображения. Все это придавало фотоизображениям дополнительную остроту и динамику.

1930-е гг. ознаменованы возвращением традиционных семейных норм.

Коммунальные квартиры стали символами повседневного контроля частной сферы, повлияли на модели брачных отношений. Потребовалось восстановление традиционных семейных ценностей и разделение гендерных ролей, и началось прославление статуса жены как верной помощницы мужа, опоры семьи и государства [8]. За этим немедленно последовала смена лозунгов на одобряющие гендерное различие. Изображения женщин на открытках, журнальных фотографиях, плакатах стали более женственными: это образы заботливой, верной и любящей жены и матери. За мужчиной, напротив, закрепился образ мужественного защитника Отечества. Эта тенденция к поляризации гендерных ролей «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» сохранялась в государственной гендерной идеологии до последних лет существования СССР.

На плакатах и открытках этого времени авангардистские эксперименты уступили место натуралистической описательной реальности фотографии. Иллюстрации стали более традиционными по форме и однозначными по содержанию. От композиций, построенных на сложных ассоциативных связях и сюрреалистических принципах сочетания несоединимых вещей, художники постепенно перешли к буквальному иллюстрированию политических метафор. На рубеже 1920—1930-х гг. они увлеклись созданием выразительных снимков, проблемой их размещения в журнале. Анализируя сегодня эти документы, можно увидеть, с какой легкостью жизнь реального человека приносилась в жертву пропагандистским мифам, и сделать вывод: к «документальным», в том числе и фотографическим, свидетельствам тоталитарной эпохи следует относиться с осторожностью.

Период с середины 1950-х гг. до начала перестройки характеризуется политической либерализацией в отношении гендерной политики. Несмотря на регулярный контроль над женской занятостью, государство смягчило социальную политику в отношении семьи и женщин. Однако именно с приходом

политической «оттепели» окончательно оформился гендерный режим, при котором сложился образ «идеальной советской женщины» [16; 17]. Это женщина, ориентированная прежде всего на семью и материнство, но вместе с тем работающая на советских предприятиях и в учреждениях. В советской пропаганде использовался образ «свободной советской женщины». На поздравительных открытках по случаю 8 Марта и плакатах начала 1960-х гг. изображены улыбающиеся женщины и рядом с ними счастливые дети. На плакатах и журнальных фотографиях мы видим представительниц разных рас и национальностей, демонстрирующих свою солидарность в борьбе за мир во всем мире и пропагандирующих преимущество социалистического порядка. Распространенный лозунг тех лет: «Советские женщины — самые счастливые женщины в мире!» — отражал еще и политическую ситуацию периода холодной войны. Культивировалась традиция в день 8 Марта дарить женщинам цветы и подарки, в прессе и по телевидению рассказывать о матерях-героинях. Существенно изменились дизайн и стиль поздравительных открыток и плакатов. Исчезли изображения суровых женщин-тружениц и заботливых матерей-героинь, на первый план выступил образ беззаботной девушки. Этот образ задал новую модель представлений о моде, косметике, поведении для советских представительниц прекрасной половины человечества.

Однако возникла проблема построения соответствующего образа идеального советского мужчины. Наряду с критикой процесса феминизации мужчин [18; 19] был выдвинут либеральный лозунг «Берегите мужчин!»². Симптоматично, что в это время к мужчине начали относиться как к жертве социальной модернизации. Утверждалось, что мужчин нужно жалеть и что сделать это может только женщина, взяв на себя всю ответственность за здоровый образ жизни, правильное воспитание детей и создание комфортных условий для мужа и семьи.

На визуальном уровне с

² Урманис Б. Ц. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 24 июля.

поздравительных открыток, приуроченных ко дню 8 Марта, исчезли какие-либо упоминания о женщинах — и в изображениях, и в тексте. Взамен появились сказочные персонажи, игрушки и животные, весенние цветы, пейзажи пробуждающейся природы. Этот изобразительный ряд лишь отдаленно, слабо намекал на юность, нежность и женственность³.

В это время кинематограф принял на себя функцию основного поставщика образов героев и героинь, не только отражавших сложившийся гендерный порядок (в этих образах люди узнавали себя), но и задававших новые желаемые гендерные роли, которые можно принять за образец и следовать им.

Образ советской женщины заметно эволюционировал еще в послевоенном кинематографе. Был снят ряд мелодраматических кинолент: «Женщины», «Старые стены», «Сладкая женщина», «Странная женщина», «Москва слезам не верит» — и один из первых телесериалов, «Ольга Сергеевна». Далее приводятся фрагменты анонсов этих фильмов в популярном журнале того времени «Советский экран» и на виртуальном информационном портале «Кино-Поиск»⁴.

«В сюжете фильма судьбы трех русских женщин, которые прошли тяжелый жизненный путь. Еще в юном возрасте, в военное время, они попадают на фабрику, где начинают тяжелую трудовую деятельность. У каждой случаются и горести, и радости, появляются надежды и разочарования» («Женщины», 1965, реж. П. Любимов).

«Директор подмосковной ткацкой фабрики Анна Смирнова, бескорыстно посвятившая себя организации производства, встречает на склоне лет мужчину и безуспешно пытается уйти от нежданной любви...» («Старые стены», 1973, реж. В. Тругубович).

«Женя мечтала не столько о любви, сколько о сильных и открытых чувствах. Адвокат по профессии, она оставила семью, сына и, приехав в провинциальный

городок, посвятила себя работе и людям, которые нуждались в ее защите. Потом появился человек, который не мог без нее жить» («Странная женщина», 1977, реж. Ю. Райзман).

«Молоденькой девчонкой приехала героиня фильма в Москву — учиться, работать и, конечно, искать свое счастье. Прошло двадцать лет. Катерина многого добилась в жизни: она директор крупного предприятия, депутат Моссовета, уважаемый человек, мать восемнадцатилетней дочери. И все же по-настоящему счастливой она себя почувствовала, только когда в ее жизнь вошел Гоша — любящий и любимый ею человек...» («Москва слезам не верит», 1979, реж. В. Меньшов).

«Телесериал рассказывает историю удивительно талантливой женщины — океанолога Ольги Сергеевны. Всю свою сознательную жизнь Ольга была влюблена в человека, который так и не смог ответить ей взаимностью. Несмотря на карьерный успех, красоту и духовное богатство, главная героиня фильма так и не смогла найти свое счастье. <...> Упорство, терпение и труд позволили Ольге стать крупным ученым-океанологом и получить признание общественности. А ведь она ждала от жизни несколько другого — устроить семейную жизнь с любимым человеком» («Ольга Сергеевна», 1975 (1 сезон), реж. А. Прошкин).

Все эти анонсы объединяет общая черта: утверждение, что несмотря на профессиональный успех, карьерный рост и общественное признание, настоящее женское счастье можно обрести только в семье, с любимым мужчиной, которому женщина готова подчиниться. Даже если женщина добивается выдающихся результатов в науке, ее деятельность оценивает мужчина, роль лидера остается за ним. В подтверждение приведем примеры диалогов из упомянутого сериала.

Реплика заведующего лабораторией: «Как хорошо физикам. У них совсем нет женщин. У нас — проклятая “бабская” наука: обязательно найдется нечто, что

³ Кисль О. Украденный праздник.

⁴ <http://www.kinopoisk.ru/top/lists/>

женщина предпочтет истине. <...> Вам хочется любить? — Перестаньте быть руководителем!»

Реплика директора института: «...Никогда не имейте дела с дамами! Женщины, как дети. <...> В самый важный момент они вам заявляют: “Я с вами больше не играю!”».

Реплика коллеги-ученого, который, используя научное открытие Ольги Сергеевны, опередил ее в апробации результатов: «Вы красивы. <...> Как вы с такой внешностью существуете в науке? Старейте! Старейте как можно скорее, и вы много добьетесь!»

В новом веке в России сохраняется господствующее положение андроцентричного образа науки и ученого, философа. Определение самой науки носит фаллоцентричный характер, использует атрибуты, которые считаются маскулинными. Традиционно к ним относят критерии объективности, рациональности, строгости, свободы от ценностного влияния. Главное — маскулинным остается сам характер производства знания, внедрение в структуру знаний о мире системы господства и подчинения, воспроизводящей гендерную асимметрию, воздействующей на содержание, смысл и применение знания.

Трансформации гендерных отношений в России в перестроечный и постперестроечный периоды совпадают с политическими и экономическими реформами (начиная с середины 1980-х гг.). Старый гендерный порядок сосуществует с новым традиционализмом в публичной и официальной сферах. Гендерные роли дополняют друг друга. В эпоху Интернета тотальный контроль над жизнью граждан приобретает новые формы. Возникают новые практики повседневности. Среди них есть как модели, ориентированные на неотрационализм, так и феминистские проекты реформирования прежней гендерной композиции [8, с. 22]. Действующий гендерный порядок наследует некоторые черты позднесоветского периода, при этом часть процессов являются общими и для России, и для всей Европы.

В постперестроечной России сохраняется традиция отмечать два гендерных

праздника: 23 Февраля и 8 Марта (эти дни официально объявлены нерабочими). Через ритуал празднования «мужского» — Дня защитника Отечества — и «женского» — праздника «весны, вечной женственности и любви» — закрепляются и воспроизводятся гендерные стереотипы. На одной из открыток последних лет, разосланной потенциальным избирателям накануне праздника, совмещены два изображения: на лицевой стороне традиционный рисунок первых нежных весенних цветов с надписью «8 Марта», а на обороте — фотография семьи депутата областной Думы Томской области. На ней на первом плане запечатлен мужчина в свитере — простой демократичной одежде, подчеркивающей социальный статус выходца из народа. Из-за его широкой спины (он — надежда и опора) выглядывает улыбающаяся женщина с младенцем (образ счастливого материнства под покровительством уверенного, статного мужа). Этот визуальный ряд корреспондирует с идеологией возврата к традиционным семейным ценностям, где женщинам отводится подчиненная роль, которую они, впрочем, добровольно принимают.

Кроме того, до последнего времени в общественном сознании продолжает бытовать миф о женщине, рожденный в Советском Союзе. На наш взгляд, подтверждаемый приведенными выше фактами, под прикрытием этого мифа власть использовала женщину как национализированный продукт и объект насилия. При этом, привлекая визуальные технологии, власть формировала определенный гендерный порядок, лишь декларируя всеобщую любовь и уважение женских прав. По справедливому замечанию Л. Бредихиной, до сих пор «равноправие» с мужчиной имеет привкус отождествления с ним, а также с насильником следующего порядка — государством [20].

Возможно, этим объясняется культурная гибридность современного российского телевидения [21]. Формируется комплекс новых мифологий, связанных с версией «позитивной» идентичности россиян. Успешность телевизионных программ связывается

с их способностью адресоваться как можно более широкой аудитории, отвечать на запрос об «общих ценностях». Стали актуальными гибридные формы, отсылающие аудиторию к советскому прошлому. В современных телевизионных проектах (в том числе женских), таких как «Дом-2», «Едим дома», «Модный приговор», «Я сама», «Женский взгляд», «Жена. История любви», зрителям предоставляется возможность совершить экскурс в изобретенное и желанное «вчера». Через доверительный рассказ и соответствующий визуальный ряд представляются «живые картины» советской истории. Сегодня есть спрос на «советский позитив». Российским телезрителям предлагают вспомнить о счастливой, хотя и трудной жизни в СССР, когда деньги не имели определяющего значения. К такому выводу приходит В. В. Зверева: «...Коды советской культуры <...> призваны транслировать не столько ностальгию, но аутентичность (“верность себе”) <...> как ресурс символов, которые могли бы объединить людей на основе общей памяти» [21, с. 178].

На самом деле проблема лежит глубже гендерных различий, а именно в том, что существующие сегодня теоретические конструкты непригодны для объяснения усложняющейся реальности и неадекватны при обращении к различным регистрам и уровням жизненного опыта. Современное искусство (фотография, кино, телевидение, реклама) не запрашивает аксиом и теорем, ибо не может существовать без личной вовлеченности и экзистенциально пережитого опыта как мужчин, так и женщин. Именно поэтому оно может выступать мощным ресурсом для будущих исследований: анализа производства и формирования гендерных порядков (через механизм и технологии «мягкого» насилия) и добровольного усвоения гендерных образцов (через практики мимесиса).

Литература

1. *Захарова Н. Ю.* Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии.

2008. Т. 11 № 1. С. 147—161.

2. *Lapidus G. W.* Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Berkeley: University of California Press, 1978. X, 381 p.

3. *Blekher F.* The Soviet Woman in the Family and in Society. N. Y.; Toronto: John Wiley & Sons, 1979. IX, 234 p.

4. *Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989. 266 p.

5. *Attwood L.* The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 263 p.

6. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2007. 305 с.: ил., табл.

7. *Connell R. W.* Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics. N. Y.: Stanford University Press, 1987. 352 p.

8. *Пушкарёва Н. Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8—23.

9. *Стидович С.* Очередные задачи женотделов // Коммунистка. 1922. № 2. С. 32—37.

10. *Градскова Ю.* «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М.: Компания Спутник+, 1999. 158 с.

11. Women in the Stalin Era / М. Плић (Ed.). London: Palgrave Macmillan UK, 2001. XIII, 256 p. (Studies in Russian and East European History and Society). <https://doi.org/10.1057/9780230523425>

12. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1 № 3-4. С. 299—321.

13. *Goldman W. Z.* Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 368 p.

14. *Кон И. С.* Сексуальная культура в России: «клубничка» на березке. М.: Объед. гуманит. о-во, 1997. 459 с.: ил.

15. Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности. Стенографический отчет. 10—12 мая 1936 г. М.: Партиздат, 1936. 271 с., 11 л. ил., портр.

16. *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья (Социол. исследование). Л.: Наука, 1971. 176 с.

17. О женщинах — забота особая: Сб. статей. М.: Московский рабочий, 1981. 144 с.

18. Семья и социальная структура: [сб. ст.] / Отв. ред. М. С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, 1987. 179 с.

19. *Гурко Т.* Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 173—195.

20. *Бредихина Л. М.* О некоторых причинах идеологических напряжений. Предисловие // Гендерная теория и искусство: антология: 1970—2000 / Пер. с англ.; под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.:

РОССПЭН, 2005. С. 9.

21. Зверева В. В. «Новые русские» сериалы // Медиакультура новой России: методология, технологии, практики / Отв. ред. Н. Б. Кириллова и др. Т. 2. Екатеринбург; М.: Академический проект, 2007. С. 166—181.

Поступила после доработки 20.08.2019

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nataknekh@gmail.com

References

- Zakharova N. Yu. Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza (Visual Sociology: Photography as an Object of Sociological Analysis), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2008, T. 11 No. 1, pp. 147—161.
- Lapidus G. W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. Berkeley, University of California Press, 1978, x, 381 p.
- Blekher F. *The Soviet Woman in the Family and in Society*. N. Y., Toronto, John Wiley & Sons, 1979, ix, 234 p.
- Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1989, 266 p.
- Attwood L. *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*. Bloomington, Indiana University Press, 1990, 263 p.
- Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod (Russian Gender Order: Sociological Approach), Pod red. E. Zdravomyslovoi, A. Temkinoi, SPb., Evropeiskii un-t v Sankt-Peterburge, 2007, 305 p., il., tabl.
- Connell R. W. *Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics*. N. Y., Stanford University Press, 1987, 352 p.
- Pushkareva N. L. Gendernaya sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiyanok (Gender System of Soviet Russia and Russian Women Destinies), *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 5 (117), pp. 8—23.
- Smidovich S. Ocherednye zadachi zhenotdelov (Immediate Tasks of Women's Sections), *Kommunistka*, 1922, No. 2, pp. 32—37.
- Gradskova Yu. "Obychnaya" sovetskaya zhenshchina — obzor opisaniy identichnosti ("Ordinary" Soviet Woman — a Review of Identity Descriptions), M., Kompaniya Sputnik+, 1999, 158 p.
- Ilič M. (ed.). *Women in the Stalin Era*. London, Palgrave Macmillan UK, 2001, xiii, 256 p., Studies in Russian and East European History and Society, <https://doi.org/10.1057/9780230523425>
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve (The Public Construction of Gender in Soviet Society), *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2003, T. 1 No. 3-4, pp. 299—321.
- Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 368 p.
- Kon I. S. Seksual'naya kul'tura v Rossii: "klubnichka" na berezke (Sex Culture in Russia: "Cheesecake" on a Little Birch), M., Ob"ed. gumanit. o-vo, 1997, 459 p., il.
- Vsesoyuznoe soveshchanie zhen khozyaistvennikov i inzhenerno-tekhnicheskikh rabotnikov tyazheloi promyshlennosti. Stenograficheskiy otchet. 10—12 maya 1936 g. (All-Soviet Union Meeting of Wives of Economic Persons and Engineering Staff Workers of Heavy Industry. Verbatim Report. May 10-12, 1936), M., Partizdat, 1936, 271 p., 11 l. il., portr.
- Kharchev A. G., Golod S. I. Professional'naya rabota zhenshchin i sem'ya (Sotsiol. issledovanie) (Women's Professional Work and Family (Social Research)), L., Nauka, 1971, 176 p.
- O zhenshchinakh — zabota osobaya, Sb. Statei (For Women There is Special Care, a Collection of Papers), M., Moskovskii rabochii, 1981, 144 p.
- Sem'ya i sotsial'naya struktura, sb. st. (Family and Social Culture, a Collection of Papers), Отв. ред. М. S. Matskovskii, M., ISI AN SSSR, 1987, 179 p.
- Gurko T. Sotsiologiya pola i gendernykh otnoshenii (Sociology of Sex and Gender Relations), *Sotsiologiya v Rossii*, Pod red. V. A. Yadova, 2-e izd., pererab. i dop., M., Izd-vo In-ta sotsiologii RAN, 1998, pp. 173—195.
- Bredikhina L. M. O nekotorykh prichinakh ideologicheskikh napryazhenii. Predislovie (On Some Causes of Ideological Tensions. Foreword), *The Gender, Theory and Art Anthology: 1970—2000*, Per. s angl., pod red. L. M. Bredikhinoi, K. Deepwell, M., ROSSPEN, 2005, p. 9.
- Zvereva V. V. "Novye russkie" seriyaly ("New Russian" TV Series), *Mediakul'tura novoi Rossii: metodologiya, tekhnologii, praktiki*, Отв. ред. Н. В. Кириллова и др., Т. 2, Екатеринбург, М., Akademicheskii proekt, 2007, pp. 166—181.

Submitted after updating 20.08.2019

Knekht Natalia P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow. 124498, Russia), nataknekh@gmail.com